DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115

Яна Валерьевна ЛЕКСЮТИНА

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

США и политика «одного Китая»

АННОТАЦИЯ. В ряду приоритетных государственных задач, стоящих перед современным китайским руководством, особое место занимает тайваньская проблема. Носящее фундаментальный характер как затрагивающее вопросы национальной гордости, государственного суверенитета, территориальной целостности и единства КНР решение тайваньской проблемы имеет и прикладное значение как укрепляющее легитимность правящей Коммунистической партии Китая и устраняющее ряд сложностей геополитического свойства. Делая ставку на создание всепроникающей экономической зависимости острова от Китая, но при этом не исключая силовой сценарий, Пекин рассчитывает решить тайваньский вопрос к 2049 г. – 100-летию юбилею образования КНР. Посредством экономической дипломатии и разнопланового давления на страны мира и международные организации Пекину удалось существенно ограничить международное пространство Тайваня, вплотную приблизившись к исковой цели возвращения острова. Принципиальным препятствием, стоящим на пути решения тайваньской проблемы, остается оказываемая Вашингтоном поддержка Тайваня. В статье раскрываются особенности американской политики «одного Китая» – проводимой США с 1970-х гг. особой политики в тайваньском вопросе. Подробно останавливаясь на анализе положений

основных документов, лежащих в основе этой политики, автор статьи выделяет ее непреходящие принципы. Автор подчеркивает двойственный характер американской политики «одного Китая», состоящий в ее одновременной нацеленности на содействие развитию отношений с КНР и на поддержку Тайваня, а также объясняет мотивацию американской поддержки Тайваня. В качестве основной детерминанты формирования политики США в тайваньском вопросе в статье называется характер китайско-тайваньских отношений: конфликтный (прослеживавшийся на протяжении почти всей истории существования тайваньской проблемы) или мирный (проявлявшийся на непродолжительных исторических отрезках – в первой половине 1990-х гг. и в 2008–2016 гг.). Готовность Пекина осуществить возвращение острова силовым путем и стремительный рост военной мощи Китая обуславливают тесное военное сотрудничество США и Тайваня, включая масштабные продажи американского вооружения Тайваню. Анализируя динамику развития ситуации в Тайваньском проливе на примере деятельности трех тайваньских администраций (Чэнь Шуйбяня, Ма Инцзю и Цай Инвэнь), автор демонстрирует, что в XXI в. определяющую роль в треугольнике Тайвань – Китай – США приобретает политика тайваньских властей

в отношении материкового Китая и в вопросе независимости. В заключении делается вывод о маловероятности изменения базовых принципов американской политики «одного Китая» и отказе Вашингтона от поддержки Тайваня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: США, Китай, Тайвань, политика «одного Китая»,

тайваньская проблема, «коренные интересы», военное сотрудничество

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лексютина Я.В. (2017). США и политика «Одного Китая». *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 99-115. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115

Yana V. LEKSYUTINA

Saint-Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation, 199034

lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

U.S. and Its “One China” Policy

ABSTRACT. Amongst top national goals of the contemporary China's leadership, the Taiwan issue occupies a particular place. This issue bears a fundamental significance since it deals with national pride, state sovereignty, territorial integrity and the unity of the PRC. Its resolution has also an applied significance – it promotes the legitimacy of the ruling China's Communist Party and resolves some geopolitical difficulties China faces. Currently relying on the creation of island's all-pervading economic dependency on China, yet not excluding military invasion as an option, Beijing expects to resolve the Taiwan issue by 2049, the 100th anniversary of the PRC. By using economic statecraft and exerting pressure on the world's countries and international organizations, Beijing has succeeded in narrowing Taiwan's international space, thus coming close to the desired goal of bringing back the island. Still, a crucial impediment to the resolution of the Taiwan issue is the US' support of Taiwan. The article reveals specifics of the so-called “One China” poli-

cy, a policy that the US pursues towards the Taiwan issue ever since 1970s. By analyzing in details the provisions of the documents that lay the basis of “One China” policy, the author identifies its enduring principles. The author emphasizes the dual character of the US' “One China” policy, which is its simultaneous orientation to promote relations with the PRC and to support Taiwan. The author further explains the motivation of the American support of Taiwan. The nature of the China-Taiwan relations – either confrontational (which has been the case with a few exceptions) or peaceful (like in the beginning of the 1990s and 2008–2016) – is seen in the article as a major determinant of the formulation of the US' Taiwan policy. Beijing's readiness to return the island with the use of force and China's rapid military power accumulation determine the US-Taiwan close military ties, including arms sales to the island. By analyzing the development of the situation in the Taiwan Strait through the examples of three Taiwan administrations (the ones of Chen Shui-bian, Ma Ying-

jeou and Tsai Ing-wen), the author shows that in the 21st century Taiwan leadership's policy towards mainland China and the independence issue plays the defining role in the Taiwan-China-US triangle relations. It concludes that changes in the basics of the US's "One China" policy and the termination of Washington's support of Taiwan are highly unlikely..

KEYWORDS: *U.S., China, Taiwan, "One China" policy, Taiwan issue, «core interests», military cooperation*

FOR CITATION: Leksyutina Y.V. (2017). U.S. and its "One China" Policy. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 99-115. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115

Заняв в 2013 г. пост председателя КНР, Си Цзиньпин столкнулся с необходимостью поиска ответов на огромное количество сложных вызовов и проблем, стоящих перед современным Китаем в процессе его ускоренного экономического развития и восхождения к статусу великой державы. Особое место среди них занимает тайваньская проблема, решение которой ввиду вовлеченности в нее сильнейшего государства на планете – США – оказалось не по силам четырем поколениям руководителей КНР.

Непосредственно затрагивающая вопросы государственного суверенитета, территориальной целостности и единства КНР, тайваньская проблема занимает высшее место в иерархии национальных интересов Китая и относится к так называемым «коренным интересам» Китая, защищать которые Пекин будет любой ценой и уступки по которым в принципе невозможны. Де-факто осуществляющий независимую от КНР внутреннюю и внешнюю политику на протяжении более чем шести десятилетий Тайвань рассматривается

Пекином в качестве одной из провинций КНР, установление полного контроля над которой является приоритетной государственной задачей. Формальное отделение Тайваня от Китая и обретение островом независимости является недопустимым сценарием развития ситуации для Пекина не только *per se*, но и как способное вызвать незамедлительную цепную реакцию со стороны сепаратистских сил в Тибете или Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Трактуя историю позднecinского и раннереспубликанского периода как череду унижений, которым подвергся Китай со стороны иностранных государств в ходе опиумных войн и в результате навязанных ему неравноправных договоров (так называемые «100 лет унижений»), китайское руководство рассматривает возвращение Тайваня в качестве завершающего этапа собирания утраченных земель и восстановления былого величия китайской нации. Возвращение Тайваня, ставящее финальную точку в деле «воссоединения нации» после присоединения к КНР Гонконга и Макао в 1997 г. и 1999 г. соответственно (Клименко, Каменнов, 2017, с. 71), приобретает сакральное значение для китайцев как вопрос единства родины.

Большое значение современное китайское руководство придает решению тайваньского вопроса и в свете задачи обеспечения легитимности власти КПК: успех на тайваньском направлении значительно способствовал бы упрочению существующего политического режима в Китае, в то время как неудача или отсутствие прогресса могут привести к потере авторитета КПК среди населения страны. Китайский национализм и националистические настроения, отражающие запрос на более решительные действия со стороны китайского руководства в тайваньском

вопросе, оказывают сильное влияние на процесс принятия политических решений в Китае и требуют от китайских властей скорейшего решения тайваньского вопроса, а не перекладывания его на плечи следующих поколений.

И, наконец, для Китая крайне высока геостратегическая значимость Тайваня как открывающего ему доступ к океанским портам и обеспечивающего его стратегически важными морскими коммуникациями. Продолжающееся в Китае с момента запуска политики «реформ и открытости» ускоренное промышленное развитие обусловило рост потребностей страны в импорте сырья (и в особенности энергоресурсов) и экспорте промышленных товаров, перевозимых преимущественно морским путем. Сложность доступа Китая к Мировому океану обусловлена тем, что вдоль восточного побережья Китая проходит гряда островов Японии, Тайваня и Филиппин, выступающих естественной преградой для выхода Китая в Тихий океан. Используемые ныне Китаем альтернативные морские пути для транспортировки импортируемого сырья и экспортируемых товаров, идущие по Южно-Китайскому морю через Малаккский пролив в Индийский океан, рассматриваются китайским руководством как ненадежные в силу распространения там пиратства, продолжающихся территориальных споров, неоднозначного отношения к Китаю некоторых прибрежных стран, потенциально способных ограничить свободу судоходства китайских судов. В этой связи возвращение Тайваня позволяет Китаю решить проблему открытого, беспрепятственного и надежного доступа в Мировой океан. Более того, возвращение Тайваня позволит контролировать Тайваньский пролив, через который проходят важные морские пути, по которым идет порядка

70% товаропотока Японии и Южной Кореи (Ли Гуаньцзюнь, 2010).

Рассматривая тайваньскую проблему как исключительно внутреннюю и относя ее к разряду «коренных интересов», Пекин отвергает любые формы внешнего вмешательства в нее. Китай поддерживает дипломатические отношения лишь с теми странами, которые признают и неукоснительно следуют отстаиваемому Пекином принципу «одного Китая», состоящему в том, что на международной арене существует только один Китай и Тайвань является его неотъемлемой частью.

Традиционно относимая к разряду высших в иерархии национальных интересов КНР тайваньская проблема приобрела еще более акцентированное звучание в свете обнародования Си Цзиньпином в 2013 г. концепции «Китайской мечты» и задач «двух столетних юбилеев» (столетие образования Коммунистической партии Китая в 1921 г. и учреждения КНР в 1949 г.). Принципиальное значение для реализации «китайской мечты о великом возрождении китайской нации», запланированной ко второму столетнему юбилею, имеет возвращение Тайваня и, соответственно, полное воссоединение Китая, которое, по планам китайской стороны, должно произойти мирным путем на основе формулы «одно государство, две системы». Вместе с тем концентрация внушительного количества баллистических ракет ближнего радиуса действия в прибрежных провинциях КНР близ Тайваньского пролива косвенно свидетельствует о том, что китайское руководство не исключает и силового сценария возвращения Тайваня. По данным министерства обороны США, в Китае размещено порядка 1200 баллистических ракет ближнего радиуса действия, качественные характеристики которых, такие, как точность, дальность и мощность

головной части, постоянно совершенствуются¹. Право китайских властей применить военную силу для возвращения Тайваня законодательно закреплено в китайском Законе о противодействии расколу страны от 2005 г.

Генезис тайваньской проблемы и участие в ней США

В качестве особого политического феномена тайваньская проблема появилась в 1949 г., когда в результате гражданской войны в Китае сложилась ситуация сосуществования двух противоборствующих правительств, отстаивающих право представлять интересы всего китайского народа на мировой арене: коммунистического правительства новообразованного государства – Китайской Народной Республики – и возглавляемого Чан Кайши гоминьдановского правительства, из-за поражения в гражданской войне вынужденного искать убежища на Тайване и основать там временное правительство Китайской Республики. Разрешению политического соперничества двух правительств воспрепятствовало вмешательство Вашингтона во внутрикитайскую проблему в июне 1950 г., когда президент США Г. Трумэн объявил об отправке 7-го флота Военно-морских сил США в Тайваньский пролив с целью недопущения военного захвата Тайваня армией КНР². Дипломатические отношения с правительством Китайской Республики на Тайване Вашингтон продолжал поддерживать вплоть до 1 января 1979 г.

За эти три десятилетия тайваньская политика США претерпела три этапа эволюции. Начавшийся с открытого американского вмешательства во внутрикитайскую проблему в июне 1950 г. и продолжавшийся до заключения 2 декабря 1954 г. американо-тайваньского Договора о взаимной обороне первый этап характеризовался формированием модели американского участия в китайско-тайваньском противоборстве, зарождением основных форм союзнических отношений с Тайванем и их официальным оформлением в виде Договора о взаимной обороне. На втором этапе Вашингтон выполнял союзнические обязательства в отношении Тайваня в ходе тайваньских кризисов 1954–1955 гг., 1958 г. и 1962 г. Третий этап характеризовался поиском новой модели американского участия в тайваньской проблеме ввиду корректировки внешнеполитической линии США в отношении Китая, вызванной проявившимся в 1960-е гг. и в США, и в Китае встречным желанием нормализовать двусторонние отношения с целью противодействия Советскому Союзу. В результате сложных и длительных американо-китайских переговоров 28 февраля 1972 г. было заключено Шанхайское коммюнике, ставшее первым шагом на пути восстановления отношений между США и Китаем. И, наконец, 1 января 1979 г. было подписано второе коммюнике, в котором США признали правительство Китайской Народной Республики в качестве законного правительства всего Китая³.

Вместе с тем после разрыва дипломатических отношений с Тайванем Вашингтон не прекратил поддерживать

1 Military and security developments involving the PRC. 2017. P. 31. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017_China_Military_Power_Report.PDF (Accessed: 25.08.2017)

2 Поддержка Вашингтоном в 1950 г. гоминьдановского правительства была продиктована подключением Пекина к противостоянию Советского Союза с США и в особенности участием НОАК в Корейской войне (Зиновьев, 2010, с. 63).

3 Лексютин Я.В. (2012). Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в. Дисс... доктора полит. наук. Санкт-Петербург. С. 172.

разноплановые неофициальные контакты с тайваньской администрацией, по сути продолжая оставаться гарантом безопасности острова. С прекращением дипломатического признания с Тайваня на Китай Вашингтон стал проводить в тайваньском вопросе так называемую политику «одного Китая», базирующуюся на четырех основных документах: трех совместных американско-китайских коммюнике (Шанхайском коммюнике от 28 февраля 1972 г., коммюнике об установлении дипломатических отношений от 1 января 1979 г., американско-китайском совместном коммюнике от 17 августа 1982 г.) и Законе об отношениях с Тайванем от 10 апреля 1979 г. Именно к этим четырем документам до сих пор обращаются американские высокопоставленные официальные лица (включая президента США) для разъяснения тайваньской политики США и в ходе переговоров с китайской стороной.

В трех совместных американско-китайских коммюнике, проложивших дорогу нормализации отношений двух держав, зафиксированы следующие положения, касающиеся американской политики «одного Китая»:

- признание Вашингтоном правительства КНР в качестве *единственного законного правительства Китая*;
- намерение поддерживать культурные, коммерческие и иные *неофициальные связи* с Тайванем;

- *принятие к сведению* (а не признание) позиции КНР относительно существования одного Китая и Тайваня как его составной части⁴;
- заинтересованность в мирном разрешении противоречий между КНР и Тайванем *самими китайцами*;
- *отказ от вмешательства* в «мирное урегулирование» противоречий между КНР и Тайванем;
- *отсутствие намерений вмешиваться во внутренние дела* КНР, проводить политику «двух Китаев» или «одного Тайваня, одного Китая»⁵.

В принятом в апреле 1979 г. при определяющей роли американского Конгресса⁶ Законе об отношениях с Тайванем регламентировались практические вопросы неофициального взаимодействия США с тайваньскими властями и содержались положения, касающиеся обеспечения Вашингтоном безопасности острова и продажи американского вооружения Тайваню. В Законе, в частности, была выражена готовность Вашингтона предоставить Тайваню доступ «к таким изделиям и услугам военного назначения и в таком количестве, в каком может быть необходимо для того, чтобы Тайвань мог поддерживать на достаточном уровне свою обороноспособность»⁷.

Касательно вопроса поддержания безопасности Тайваня положения закона были сформулированы весьма

4 В коммюнике 1972 г. значилось: «Соединенные Штаты принимают во внимание (acknowledge) то, что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива считают, что есть только один Китай, и Тайвань является частью Китая. Правительство США не оспаривает эту позицию». В Коммюнике 1979 г. была несколько иная формулировка: «Правительство Соединенных Штатов принимает во внимание (acknowledge) китайскую позицию о том, что есть только один Китай, и Тайвань является частью Китая». См.: Shanghai Communiqué. Joint Communiqué of the USA and the PRC. 1972. URL: <http://www.taiwandocuments.org/communiqué01.htm> (Accessed: 21.05.2015); Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations between the USA and the PRC. 1979. URL: <http://www.taiwansecurity.org/IS/Joint.htm> (Accessed: 10.02.2015).

5 Joint Communiqué on Arms Sales to Taiwan. Joint Communiqué of the USA and the PRC. 1982. URL: <http://www.taiwandocuments.org/communiqué03.htm> (Accessed: 11.02.2015)

6 Американский Конгресс традиционно занимает протайваньскую позицию и достаточно критичен по отношению к Китаю.

7 Sec.2-b; sec.3-a. Taiwan relations act 1979. URL: <http://www.taiwandocuments.org/tra02.htm> (Accessed: 15.01.2013)

размыто: закон обязывал США содействовать Тайваню в обеспечении его безопасности, оставляя при этом Вашингтону возможность для маневра – определять варианты реагирования на различное развитие событий в Тайваньском проливе по собственному усмотрению. Прямо не указывая на обязательства США защищать Тайвань в случае военного вторжения со стороны Китая, закон расценивал потенциальную агрессию Китая в качестве угрозы миру и безопасности в регионе и предмета серьезной озабоченности США.

По существу, в этом законе были зафиксированы основы американской политики «стратегической неопределенности» в тайваньском вопросе, используемой сменяющими друг друга американскими администрациями на протяжении почти четырех десятилетий, начиная с Дж. Картера. «Стратегическая неопределенность» заключается в отсутствии точных представлений у Пекина и Тайбэя относительно формы, степени и порогов американского вмешательства в случае возникновения вооруженного конфликта в Тайваньском проливе. При этом Вашингтон дает гарантии Тайбэю в том, что не откажется от его поддержки ради развития хороших отношений с Китаем (Труш, 2017, с. 58). По замыслу Вашингтона, политика «стратегической неопределенности» призвана удерживать Китай от силового сценария решения тайваньского вопроса и в то же время не допустить использования Тайбэем оборонных обязательств США для продвижения в сторону независимости. Политика Вашингтона в тайваньском вопросе руководствуется целью поддержания статус-кво в Тайваньском проливе, допуская его изменение в случае достижения соответствующих договоренностей между двумя сторонами противоречий. Как неоднократно находило от-

ражение в заявлениях высокопоставленных официальных лиц США, Вашингтон выступает против одностороннего изменения статус-кво в Тайваньском проливе любой из сторон, не поддерживает идеи независимости Тайваня и выступает за мирное урегулирование тайваньского вопроса.

В целом проводимая Вашингтоном с конца 1970-х гг. политика «одного Китая» продиктована, с одной стороны, желанием США развивать отношения с КНР, рост экономического потенциала и ширящееся участие в мировых делах которой лишь укрепляют подобные устремления Вашингтона, а с другой – необходимостью защиты от военного вторжения Тайваня как своего бывшего союзника по Договору 1954 г., а после заданной в 1980-х гг. демократизации острова – необходимостью предотвращения поглощения молодой азиатской демократии недемократическим Китаем. Определенную роль в продолжающейся поддержке Тайваня играют и распространенные в США представления о «китайской угрозе» и необходимости «сдерживания» стремительно наращивающего комплексную национальную мощь Китая как способного в перспективе бросить вызов американскому мировому доминированию. Апеллируя к тому, что получение контроля над Тайванем, имеющим прямой выход в Мировой океан, значимые финансовые ресурсы и высокий технологический потенциал, будет способствовать еще большему росту китайского могущества, сторонники политики «сдерживания» Китая рассматривают сохранение статус-кво в Тайваньском проливе как способ ограничения дальнейшего усиления Китая. Более того, имеют место быть и представления о возможности «разыгрывания тайваньской карты», об использовании Тайваня в качестве рычага давления на Китай в вопросах, представляю-

щих интерес для Вашингтона. И, наконец, не стоит забывать и о сильном тайваньском лобби и различных группах интересов в США, оказывающих влияние на процесс принятия внешнеполитических решений и либо отстаивающих тайваньские интересы, либо стоящих на антикитайских позициях.

Американская политика «одного Китая» в XXI в.

Проводимая США на протяжении неполных четырех десятилетий, прошедших с момента вынужденного разрыва дипломатических отношений с Тайванем в 1979 г., политика «одного Китая» весьма специфична и существенно отличается от китайского понимания принципа «одного Китая», равно как и от политики в тайваньском вопросе других стран мира, поддерживающих официальные отношения с КНР и неукоснительно следующих букве и духу принципа «одного Китая». Формально придерживаясь положений, содержащихся в трех совместных американо-китайских коммюнике, намеренно не вмешиваясь в китайско-тайваньский переговорный процесс и не поощряя движение острова в сторону независимости, Вашингтон между тем продолжает выступать в роли единственного в мире гаранта безопасности Тайваня и оказывать ему разноплановую поддержку. Поддержка Вашингтона идет по ряду основных направлений: продажа вооружения и тесное военное сотрудничество в целом, обмен визитами высокопоставленных официальных лиц, содействие в расширении участия Тайваня в международных организациях.

Сохраняя преемственность общих контуров и базовых принципов тайваньской политики, Вашингтон тем не менее в разные исторические перио-

ды демонстрировал неодинаковую степень поддержки Тайваня и уровень развития неофициальных контактов. Формирование и реализация политики «одного Китая» сменявших друг друга американских администраций определялась целым комплексом факторов и обстоятельств: личными предпочтениями президентов, политической конъюнктурой, меняющимся международным и региональным контекстом, потребностями развития американо-китайских отношений и в определяющей степени содержанием китайско-тайваньского взаимодействия.

Длительное время основной детерминантой формирования политики США в тайваньском вопросе служил конфликтный характер китайско-тайваньских отношений: готовность Китая применить военную силу с целью возвращения острова и отсутствие заинтересованности с тайваньской стороны в объединении с материком предопределяли необходимость американского участия. Рост угрозы силового варианта решения тайваньского вопроса со стороны Китая обуславливал углубление и диверсификацию американо-тайваньского военного сотрудничества – формы взаимодействия, категорически неприемлемой для Пекина. Так, вследствие тайваньского кризиса 1995–1996 гг., когда в ответ на масштабные военные учения НОАК в районе Тайваньского пролива США были вынуждены ввести туда два авианосца, американо-тайваньское военное сотрудничество существенно интенсифицировалось. В последние годы президентства Б. Клинтона и первый срок президентских полномочий Дж. Буша-мл. произошло переосмысление подхода Вашингтона к развитию военного сотрудничества с Тайванем. Ранее ограниченное преимущественно продажей американского вооружения Тайваню, военное сотрудничество ста-

ло развиваться и по целому ряду других направлений, таких, как американо-тайваньский стратегический диалог по вопросам обороны, визиты в США тайваньских высокопоставленных военных и представителей министерства национальной обороны, специальные программы обучения для тайваньских военных, наблюдения США за тайваньскими учениями, инспекции и проч.

Военное сотрудничество особенно активизировалось при Дж. Буше-мл., приступившем к выполнению президентских обязанностей с видением Китая в качестве «стратегического соперника» (Тимофеев, 2016, с. 609) и с желанием отказаться от политики «стратегической неопределенности» в пользу более акцентированной поддержки Тайваня. В годы его президентства увеличились продажи американских вооружений Тайваню и изменилась их номенклатура – стали продаваться более современные типы вооружений. Так, в апреле 2001 г. стало известно о планах продажи Тайваню крупнейшей с 1992 г. партии оружия, включавшей в том числе эсминцы класса «Kidd», дизельные подводные лодки и патрульные противолодочные самолеты «Orion». Под расширение продаж оружия Тайваню даже была подведена соответствующая законодательная база – в соответствии с Уполномочивающим законом о внешней политике на 2003 финансовый год Тайваню был открыт доступ к современным американским вооружениям и технологиям наравне с военными союзниками США вне НАТО, такими, как Республика Корея, Япония, Австралия или Израиль⁸. При Дж. Буше-мл. произошла либерализация режима визитов в Соединенные Штаты тайваньских высокопоставленных военных и

представителей министерства обороны – повысился уровень и интенсивность визитов. Так, в частности, стали возможными визиты тайваньских военных на уровне министра и заместителя министра обороны Тайваня, начальника Генерального штаба Тайваня. С 2001 г. на Тайвань стали командироваться американские военные для наблюдений за проводимыми на Тайване военными учениями.

При Дж. Буша-мл. и Б. Обаме тесному американо-тайваньскому военному сотрудничеству стали способствовать возросшие риски реализации Китаем силового варианта возвращения Тайваня ввиду ускоренных темпов военной модернизации Китая, его стремительно увеличивающейся военной мощи, углубляющегося разрыва в военных потенциалах Китая и Тайваня и роста националистических настроений в китайском обществе.

Только за период 2008–2011 гг. администрация США одобрила три крупные партии оружия Тайваню. В октябре 2008 г. стало известно о планах продажи Тайваню партии оружия, включавшей противокорабельные ракеты «Patriot» PAC-3, ударные вертолеты «Apache» AH-64D, модернизацию самолетов E-2Т к модификации «Hawkeye 2000», управляемые ракеты и блоки прицельно-пускового оборудования «Javelin», ракеты «Harpoon Block-2» общей стоимостью порядка 6,5 млрд долл. В январе 2010 г. были обнародованы планы продажи Тайваню партии оружия на сумму почти 6,4 млрд долл. (в том числе противокорабельные ракеты «Patriot» PAC-3, вертолеты «Black Hawk», ракеты «Harpoon») (Давыдов, 2010, с. 2). В сентябре 2011 г. были анонсированы планы продажи

8 Art. 1206. Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Year 2003. 2002. URL: <http://thomas.loc.gov/> (Accessed: 18.08.2017)

Тайваню запчастей для военных самолетов, военной техники для модернизации истребителей F-16 А/В и оказание технико-экспертной поддержки на сумму в 5,9 млрд долл.⁹

Затем последовала четырехлетняя пауза в продажах вооружения Тайваню, что, вероятно, было связано с опасениями Вашингтона относительно неблагоприятного воздействия продаж вооружения на развитие американо-китайских отношений и начавшего развиваться с 2008 г. процесса нормализации китайско-тайваньских отношений, а также с финансовыми ограничениями, накладываемыми оборонным бюджетом Тайваня.

В середине декабря 2015 г. администрация Обамы одобрила продажу Тайваню очередного пакета вооружения в размере 1,83 млрд долл., включавшего в том числе два фрегата с управляемыми ракетами класса «Oliver Hazard Perry», гусеничные десантные машины-амфибии «AAV-7», противотанковые ракеты «Javelin» и «BGM-71F», переносные ракеты «Stinger», зенитные артиллерийские комплексы ближнего действия «МК-15 Phalanx». В общей сложности администрация Обамы одобрила передачу Тайваню вооружения на сумму более 14 млрд долл.

Как и при Дж. Бушем-мл., при Б. Обаме военное сотрудничество не ограничивалось лишь продажей вооружений, а развивалось и по другим векторам. Так, за несколько последних лет президентства Обамы число ежегод-

ных мероприятий в русле американо-тайваньского военного сотрудничества удвоилось¹⁰. С 2012 по 2015 г. численность представителей министерства обороны США, посетивших Тайвань, увеличилась с около 1500 до примерно 3200 человек¹¹.

Вместе с тем, развивая военное сотрудничество с Тайванем, Вашингтон по-прежнему сохраняет целый ряд ограничений. Ограничения касаются, прежде всего, продажи Тайваню вооружения наступательного характера, визитов на Тайвань американских высокопоставленных военных, проведения совместных военных учений и др.

Тесное американо-тайваньское военное сотрудничество и в особенности продажи вооружения рассматриваются в Пекине как нарушающие принцип «одного Китая» и совместное американо-китайское коммюнике 1982 г. В этом коммюнике содержатся заверения США в том, что они не стремятся «придерживаться долгосрочной политики продажи вооружения Тайваню; что поставки вооружения из США не будут превышать ни в количественном, ни в качественном отношении уровень поставок за последние несколько лет; что Соединенные Штаты планируют постепенно сокращать объем продаж вооружения и военной техники Тайваню, что приведет через некоторое время к их окончательному прекращению» (Joint Communiqué, 1982). Вашингтон оправдывает продажи вооружения положениями Закона об отношениях с Тай-

9 Taipei Economic and Cultural Representative Office in the US - foreign military sales order II (FMSO II). 2011. URL: http://www.dsca.mil/PressReleases/36-b/2011/TECRO_11-34.pdf (Accessed: 13.01.2016); Taipei Economic and Cultural Representative Office in the US - pilot training program. 2011. URL: http://www.dsca.mil/PressReleases/36-b/2011/TECRO_11-19.pdf (Accessed: 13.01.2016); Taipei Economic and Cultural Representative Office in the US - retrofit of F-16A/B aircraft. 2011. URL: http://www.dsca.mil/PressReleases/36-b/2011/TECRO_11-39.pdf (Accessed: 13.01.2016).

10 Testimony of Susan Thornton. 2016. URL: <http://docs.house.gov/meetings/FA/FA05/20160211/104457/HHRG-114-FA05-Wstate-ThorntonS-20160211.pdf> (Accessed: 29.08.2017)

11 2016 Annual Report to Congress. U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 385 URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Annual_Report/Chapters/Chapter%203%2C%20Section%202%20-%20China%20and%20Taiwan.pdf (Accessed: 18.08.2017)

ванем 1979 г., в котором зафиксированы обязательства Вашингтона обеспечивать Тайвань вооружениями оборонительного характера в количестве, позволяющем Тайваню поддерживать свою обороноспособность (Joint Communiqué, 1982).

На современном этапе Вашингтон является чуть ли не единственным поставщиком вооружения Тайваню. С середины 1990-х гг. Тайвань лишился всех альтернативных США крупных поставщиков вооружения – под угрозами экономических санкций и дипломатическим давлением со стороны Китая не смогли устоять даже такие крупные экспортеры, как Франция, Германия, Нидерланды, Канада и Израиль.

Вашингтон постоянно испытывает давление Пекина в вопросе продажи вооружения Тайваню. Каждый раз за анонсированием Вашингтоном планов продажи Тайваню оружия следует микрокризис в американско-китайских отношениях, что заставляет сменяющие друг друга американские администрации тщательно взвешивать все «за» и «против» при принятии решений об одобрении очередного пакета вооружения. Помимо публичной критики действий Вашингтона недовольство Пекина, как правило, принимает такие формы, как отмена запланированных ранее двусторонних встреч в русле оборонного сотрудничества, приостановка двусторонних контактов по военной линии, введение временного запрета на заходы американских военных кораблей в порт Гонконга, угрозы введения экономических санкций в отношении американских корпораций, вовлеченных в продажи вооружения Тайваню.

Помимо тесного военного сотрудничества и продолжающихся продаж американского вооружения Тайваню обвинения со стороны Пекина относительно нарушения Вашингтоном принципа «одного Китая» вызывают и не-

которые другие аспекты американско-тайваньского взаимодействия. Например, осуществляемые с 2000 г. визиты тайваньских президентов в США (транзитные остановки по пути следования тайваньских президентов к их дипломатическим партнерам в Центральной Америке), хотя и носящие неофициальный характер, но нередко сопровождаемые встречами с известными американскими политиками, членами Конгресса, представителями СМИ, а в отдельных случаях предполагающие и публичные выступления.

Динамика китайско-тайваньского взаимодействия в XXI в. и ее влияние на американскую политику в тайваньском вопросе

В XXI в. определяющую роль в треугольнике Тайвань – Китай – США стала играть политика тайваньских властей в отношении материкового Китая и в вопросе независимости. Политика Тайваня, к рубежу столетий уже в полной мере освоившего принципы демократического правления (Малявин, Чэнь, 2012, с. 119), стала сильно подвержена смене политического руководства острова. За симпатии тайваньского электората и право формулировать политику острова стали соперничать две крупнейшие политические партии острова, стоящие на принципиально различных политических платформах в вопросах независимости Тайваня и развития отношений с материковым Китаем, – Гоминьдан и Демократическая прогрессивная партия (ДПП). Пекин в этой связи стал проводить скорее реактивную, реагирующую на действия тайваньского руководства политику, нежели активную. Рост воинственной риторики Пекина в опреде-

ляющей степени стал зависеть от действий тайваньских властей.

С 2000 по 2017 г. на Тайване сменились три президентские администрации: администрация представителя традиционно выступающей за независимость острова ДПП Чэнь Шуйбяня (2000–2008 гг.), администрация представителя партии Гоминьдан Ма Инцзю (2008–2016 гг.) и нынешняя администрация представителя ДПП Цай Инвэнь.

Пребывание у власти Чэнь Шуйбяня характеризовалось сильнейшим обострением отношений между Китаем и Тайванем, отсутствием контактов между представителями полуофициальных посреднических организаций сторон Тайваньского пролива – Фондом обменов через Тайваньский пролив и Ассоциацией за развитие связей между берегами Тайваньского пролива¹², ростом военных приготовлений Пекина к военному сценарию решения тайваньского вопроса. Вразрез с данными им в инаугурационной речи обещаниями не предпринимать действий, подразумевающих изменение статус-кво в Тайваньском проливе¹³, Чэнь Шуйбянь стал целенаправленно развивать идею независимости острова (Ларин, 2006, 86).

Неполный перечень действий Чэнь Шуйбяня, дестабилизировавших обстановку в Тайваньском проливе, включал: меры, направленные на фор-

мирование тайваньской идентичности; публичное заявление о том, что каждый берег Тайваньского пролива является отдельным государством (август 2002 г.); принятие Закона о референдуме (2003 г.) и проведение референдумов; инициатива разработки новой Конституции (2004 г.) (Поляков, 2006, с. 32); предложение изменить названия правительственных подразделений и государственных корпораций (2004 г.); прекращение деятельности Совета национального объединения и применения Программы национального объединения (2006 г.); анонсирование «четырех желаний» Тайваня (март 2007 г.)¹⁴; проведение референдума по вопросу членства острова в ООН под названием «Тайвань» (2007 г.).

С целью оказания давления на тайваньскую сторону и недопущения объявления независимости острова Пекин ужесточил риторику по тайваньскому вопросу и приступил к военным приготовлениям. Китай, в частности, наращивал ракеты ближнего радиуса действия в районах, близлежащих к Тайваню. В марте 2005 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло Закон о противодействии расколу страны, санкционировавший применение Китаем «немирных средств» в отношении Тайваня в случае «отделения Тайваня от Китая под любым названием и в любой форме в результате действий сепаратистских сил, добиваю-

12 Инициированный в начале 1990-х гг. переговорный процесс между этими организациями был в одностороннем порядке прерван Пекином в ответ на сделанное в 1999 г. заявление тогдашнего президента Тайваня Ли Дэньхуя об «особом межгосударственном» характере отношений сторон пролива.

13 Инаугурационные обещания включали заверения в том, что в случае отсутствия у Китая намерения использовать военную силу против Тайваня Чэнь Шуйбянь на протяжении срока своих полномочий не будет провозглашать независимость, менять официальное название государства, инициировать включение в Конституцию определения взаимоотношений двух сторон пролива как «особых межгосударственных отношений», инициировать проведение референдума об изменении статус-кво в связи с проблемой независимости или объединения, поднимать вопросы об отмене Программы национального объединения и упразднении Совета национального объединения. См.: 中華民國第十任總統就職演說 [Инаугурационная речь президента Китайской Республики на 10-й срок]. 2000. URL: http://www.president.gov.tw/php-bin/dore2+/list.php4?_section=3 (Accessed: 10.09.2012)

14 «Четыре желания»: Тайвань желает независимости, новой конституции, экономического развития и смены официального названия острова на «Тайвань».

щихся “независимости Тайваня”, либо серьезных инцидентов, которые могут привести к отделению Тайваня от Китая, либо полного исчерпания возможностей мирного объединения¹⁵. Также Пекин требовал от Вашингтона повлиять на тайваньские власти.

В этот период тайваньский вопрос вышел на первый план американо-китайского взаимодействия. Вашингтон был вынужден уделять повышенное внимание этому вопросу, поддерживать постоянные контакты с тайваньской стороной, дабы предупредить потенциально опасные инициативы тайваньского руководства и сдержать устремления Чэнь Шуйбяня к обретению Тайванем независимости. Вашингтон оказался в незавидной роли медиатора между Пекином и Тайбэем. При этом медиаторская роль приносила Вашингтону не бонусы или возможность «разыграть тайваньскую карту», а, напротив, осложнение отношений с обеими сторонами конфликтной ситуации. Пекин, ожидавший от Вашингтона решительных мер по нейтрализации последствий провокационных инициатив Чэнь Шуйбяня, расценивал предпринимаемые Вашингтоном действия как недостаточные. В то же время давление, оказываемое США на администрацию Чэнь Шуйбяня, вызывало раздражение у тайваньских властей.

В целом из-за невозможности поддерживать конструктивный диалог с Чэнь Шуйбянем, не желавшим координировать свои действия с американскими коллегами, изначально задан-

ный Дж. Бушем-мл. курс на укрепление контактов с Тайванем так и не был в полной мере реализован Вашингтоном.

Принципиальное влияние на динамику отношений в треугольнике Тайвань – Китай – США оказало избрание президентом Тайваня в марте 2008 г. кандидата от партии Гоминьдан Ма Инцзю, подход которого к развитию отношений с Китаем разительно отличался от подхода Чэнь Шуйбяня. В целях снижения градуса напряженности между двумя сторонами Тайваньского пролива и поиска новых драйверов экономического роста Ма Инцзю предложил поэтапную дорожную карту налаживания китайско-тайваньских отношений: удовлетворение основного требования китайских властей для возобновления диалога между берегами Тайваньского пролива, состоящего в признании тайваньской стороной «консенсуса 1992 г.»¹⁶; развитие экономических и культурных связей между островом и материком; ведение переговоров о расширении «международного пространства» Тайваня и заключении мирного соглашения между двумя берегами.

Новый курс тайваньской администрации был положительно воспринят в Пекине (Чудодеев, 2008, с. 25). Процесс нормализации двусторонних отношений получил стремительное развитие: были возобновлены переговоры между представителями Ассоциации за развитие связей между берегами Тайваньского пролива и Фонда обменов через Тайваньский пролив подтверждение приверженности Китая и Тайваня принципу «одного Китая» в собственной интерпретации. 17 В ноябре 2015 г. в Сингапуре даже состоялась первая с 1949 г. встреча руководителей КНР и Тайваня – Си Цзиньпина и Ма Инцзю.

15 《反分裂国家法》[Закон о противодействии расколу страны]. 2005. URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab637/module18166/info38575.htm> (Accessed: 08.03.2011)

16 «Консенсус 1992 г.» – это сделанное в устной форме в 1992 г. представителями Ассоциации за развитие связей между двумя сторонами Тайваньского пролива и Фонда обменов через Тайваньский пролив подтверждение приверженности Китая и Тайваня принципу «одного Китая» в собственной интерпретации.

17 В ноябре 2015 г. в Сингапуре даже состоялась первая с 1949 г. встреча руководителей КНР и Тайваня – Си Цзиньпина и Ма Инцзю.

нялись барьеры на пути более тесного торгово-экономического взаимодействия. Стороны, в частности, наладили между собой прямое регулярное морское и воздушное сообщение, согласовали условия туристических поездок жителей материковой части Китая на Тайвань, заключили большое количество соглашений о сотрудничестве в целом ряде областей (например, в финансовой сфере, в области почтового сотрудничества, в области защиты прав интеллектуальной собственности, в обеспечении безопасности продуктов питания, в области медицины и здравоохранения, в совместной борьбе с преступностью и проч.), стали развивать образовательные и академические обмены (Ларин, 2014, с. 317). В июне 2010 г. было заключено Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами Тайваньского пролива – преференциальное торговое соглашение, способствовавшее дальнейшему расширению и углублению двусторонних торгово-экономических отношений.

В этот период Пекин хотя и не отказался публично от возможности применения силы как одного из вариантов решения тайваньского вопроса, не демонтировал нацеленные на Тайвань ракеты, однако прекратил воинственную риторику в отношении острова и стремился продемонстрировать свои благие намерения в отношении Тайваня, делая ставку в решении тайваньского вопроса на экономические рычаги давления. Создание устойчивой экономической зависимости острова от Китая стало базовой стратегией в русле реализации задачи возвращения Тайваня.

Администрация Ма Инцзю же руководствовалась задачами снижения рисков вооруженного вторжения со стороны Китая, существенно возросшими в годы провокационной деятельности Чэнь Шуйбяня, а также поисков путей выхода из длительной экономической

рецессии за счет активизации экономического взаимодействия со второй экономикой мира – Китаем.

Нормализация межбереговых отношений позволила Вашингтону дистанцироваться от тайваньской проблемы, снизить степень своего участия в ней, сконцентрировавшись на более важных задачах внешней политики. Поскольку стабилизация обстановки в Тайваньском проливе в полной мере соответствовала американским интересам как фиксирующая статус-кво и снижающая риски возникновения еще одного очага нестабильности в АТР, Вашингтон предпочитал не вмешиваться в процесс нормализации китайско-тайваньских отношений. Тем более что он временно снял остроту проблемы Тайваня в американско-китайских отношениях, и без того обремененных большим количеством проблем.

Нормализация межбереговых отношений открыла возможности для некоторого расширения международного пространства Тайваня. Так, Пекин несколько изменил свою позицию в вопросе участия Тайваня в некоторых международных организациях, оставив свои традиционные возражения. В результате с 2009 г. на протяжении восьми лет Тайвань имел возможность принимать участие в качестве наблюдателя в работе Всемирной ассамблеи здравоохранения, что стало первым случаем участия Тайваня в работе структур ООН с 1971 г., когда место Тайваня в ООН заняла КНР. В 2013 г. Тайвань впервые получил приглашение принять участие в качестве наблюдателя в 39-й Ассамблее Международной ассоциации гражданской авиации.

Однако такая позитивная динамика резко изменилась в 2016 г. в связи с негативной реакцией Пекина на избрание президентом Тайваня кандидата от ДПП Цай Инвэнь, хотя и выразившей заинтересованность в сохране-

нии статус-кво, но отказавшейся признать «консенсус 1992 г.», призвав Пекин продолжить диалог без выдвижения предварительных условий и заявившей о намерении снизить экономическую зависимость острова от Китая. Реакция Пекина была достаточно резкой. Пекин даже приостановил начавшиеся в 2014 г. консультации между Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и тайваньским Советом по делам материка (Волошина, 2016, с. 84). Пекин также предпринял ряд мер, направленных на ограничение международного пространства Тайваня. В нарушение «дипломатического перемирия», достигнутого сторонами в 2008 г. и заключавшегося в отказе от соперничества за дипломатическое признание со стороны других стран, Пекин установил дипломатические отношения с Сан-Томе и Принсипи (декабрь 2016 г.) и Панамой (июнь 2017 г.), что сократило число тайваньских дипломатических партнеров до 20 государств. Тайваню также было отказано в участии во Всемирной ассамблее здравоохранения и Ассамблее Международной ассоциации гражданской авиации.

В условиях осложнения китайско-тайваньских отношений перспективы тайваньской политики нового президента США – Д. Трампа – остаются неясными. Первые инициативы Д. Трампа продемонстрировали его полное непонимание основ и специфики американской политики «одного Китая», а также затруднили планы Тайбэя по расширению его участия в региональных интеграционных процессах. Так, в начале декабря 2016 г., в нарушение негласного запрета не иметь прямых контактов с тайваньским руководством Д. Трамп имел телефонный разговор с президентом Тайваня Цай Инвэнь. Данные Трампом впоследствии разъяснения его решения ответить на звонок президента Тайваня вызвали серьезную оза-

боченность в Тайбэе, поскольку могли трактоваться как свидетельствующие о готовности Трампа использовать Тайвань в качестве разменной монеты в переговорах с КНР по торговым вопросам или северокорейской проблеме.

В конце июня 2017 г. стало известно о планах администрации Д. Трампа продать Тайваню вооружения на сумму 1,42 млрд долл. – весьма необычное намерение, учитывая небольшой объем поставки при потенциально высоком риске осложнить отношения с Китаем.

Серьезным ударом по планам Тайваня стал выход США из Транстихоокеанского партнерства (ТПП), на присоединение к которому Тайбэй возлагал большие надежды. Участие Тайваня в таком масштабном интеграционном проекте позволило бы избежать экономической маргинализации и политической изоляции острова, повысить конкурентные позиции Тайваня в мировых экономических процессах, придать импульс экономическому росту, а также диверсифицировать внешнеэкономические связи Тайваня, снизив экономическую зависимость от Китая. Если же Китаю удастся успешно реализовать продвигаемую им идею региональной интеграции в Восточной Азии – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство – экономическая маргинализация Тайваня на фоне ухудшения отношений с Пекином неизбежна.

Заключение

Американская политика «одного Китая», сформулированная в 1970-х гг. и призванная проложить путь нормализации и динамичному развитию американо-китайских отношений при сохранении разноплановых неофициальных контактов США с Тайванем, не утратила своей релевантности и в современных условиях. Базирующаяся

на противоречащих друг другу по духу трех совместных американо-китайских коммюнике и Законе об отношениях с Тайванем, эта политика ввиду своей двойственности позволяет сохранять деликатный баланс между развитием и углублением сотрудничества США со стремительно расширяющим свое участие в мировых делах Китаем и обеспечением безопасности верного партнера США, некогда военного союзника, а ныне успешного примера демократического транзита в Азии – Тайваня.

Особенностью американской политики «одного Китая» является то, что она призвана учитывать не только «коренные интересы» Китая, но и интересы населения Тайваня, в своем подавляющем большинстве не желающего объединения с недемократическим Китаем. Будучи заинтересованным в сохранении статус-кво в Тайваньском проливе как в полной мере отвечающем национальным интересам США, Вашингтон, с одной стороны, не поддерживает усилий Тайваня в направлении обретения независимости и даже неоднократно противодействовал им, а с другой стороны, по-прежнему оказывает помощь острову в обеспечении его обороноспособности на фоне усиления военной мощи Китая и в недопущении полной международной изоляции Тайваня в результате оказываемого Пекином давления на страны мира и международные организации.

На протяжении уже многих десятилетий США остаются единственным гарантом безопасности Тайваня и его автономного от Пекина существования. Все американские администрации, независимо от их политических приоритетов, подходов к развитию отношений с Китаем, международного контекста, в котором они действовали, неизменно сохраняли приверженность задаче обеспечения безопасности Тайваня, хотя и вносили свои нюансы в

тайваньскую политику. Представляется, что Вашингтон будет продолжать и впредь руководствоваться этой базовой установкой, невзирая на давление со стороны Пекина.

Список литературы

Волошина А.В. (2016). Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях. *Проблемы Дальнего Востока*, (6). 80–93.

Давыдов А.С. (2010). «Китайская головоломка» администрации Б. Обамы. *Азия и Африка сегодня*, (4). 2–8.

Зиновьев Г.В. (2010). *Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991)*. СПб.: Издат-во СПбГУ. 328.

Клименко А.Ф., Каменнов П.Б. (2017). Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства. *Проблемы Дальнего Востока*, (2). 69–85.

Ларин А.Г. (2006). Тайвань в 2005 г. *Проблемы Дальнего Востока*, (3). 86–91.

Ларин А.Г. (2014). Новый облик отношений между берегами Тайваньского пролива. *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. Москва: Изд-во «Форум». 310–322.

Ли Гуаньцзюнь. (2013). Роль тайваньской проблемы в морской политике КНР. *Международные отношения*, (4). 469–509.

Малявин В., Чэнь Цзявэй (2012). Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване. *Проблемы Дальнего Востока*, (6). 118–129.

Поляков В. (2006). История и ход конституционной реформы на Тайване. *Проблемы Дальнего Востока*, (6). 25–35.

Тимофеев О.А. (2016). Китайско-американские отношения. Виноградов А.В. (ред.) *История Китая с древней-*

ших времен до начала XXI в. Москва: Наука. 605–611.

Труш С.М. (2017). Отношения КНР и США на рубеже Обама – Трамп: политические и военно-политические аспекты. *США и Канада: экономика, политика, культура*, (3). 48–67.

Чудодеев Ю. (2008). Китай: проблема мирного воссоединения Тайваня. *Азия и Африка сегодня*, (12). 21–25.

References

Chudodeev Yu. (2008). China: the issue of peaceful unification with Taiwan. *Aziya i Afrika segodnya*, (12). 21–25.

Davydov A.S. (2010). The «Chinese puzzle» of the B. Obama administration. *Aziya i Afrika segodnya*, (4). 2–8.

Klimenko A.F., Kamennov P.B. (2017). The military policy of the PRC and its role in the enhancement of the comprehensive national power. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (2). 69–85.

Larin A.G. (2006). Taiwan in 2005 г. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (3). 86–91.

Larin A.G. (2014). A new look of the relations between the two sides of the Tai-

wan Strait. *People's Republic of China: politics, economics, culture*. Moskva: Izd-vo «Forum». 310–322.

Li Guanqun. (2013). *The role of the Taiwan issue in the PRC's maritime policy*. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, (4). 469–509.

Malyavin V., Chen' Tsyavey (2012). The Democratic Progressive Party and the specifics of political system in Taiwan. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (6). 118–129.

Polyakov V. (2006). History and the process of the constitutional reform in Taiwan. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (6). 25–35.

Timofeev O.A. (2016). China-US relations. Vinogradov A.V. (eds.) *China's history since ancient times till the beginning of the 21st century*. Moskva: Nauka. 605–611.

Trush S.M. (2017). USA – China Relations at the Milestone Between Obama and Trump: Political and Military-Political Dimension. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 3. 48–67.

Voloshina A.V. (2016). The Taiwan Issue in Contemporary Sino-American Relations. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (6). 80–93.

Zinov'ev G.V. (2010). *China and superpowers. A History of China's foreign policy (1949–1991)*. SPb.: Izdat-vo SPbGU. 328.

Информация об авторе

Яна Валерьевна Лексютина, доктор политических наук, доцент, кафедра американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7- 9

lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792

About the Author

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation, 199034

lexyana@ya.ru

ORCID: 0000-0001-6766-1792